

Н. Д. Кондратьев и Д. И. Опарин. Большие циклы конъюнктур. Институт экономики РАНИОНа. Москва, 1928 г.

Начиная с 1922 г., проф. Кондратьев выступает в нашей экономической прессе неутомимым проповедником идеи так наз. „больших циклов“ капиталистической динамики. Первую „наметку“ этой теории он попытался дать в своей книге „Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны“, затем подкреплял свои соображения статьями в „Соц. Хозяйстве“, „Вопросах Конъюнктуры“ и др. изданиях. В рецензируемой книге, основная часть которой состоит из доклада Кондратьева и „контр-доклада“ Опарина, сделанных в РАНИОНе в 1926 г., кондратьевская концепция содержится в наиболее развернутом виде. Если раньше дело ограничивалось тем, что Кондратьев просто констатировал факты колебания конъюнктуры в форме длительных „циклов“, то теперь он идет дальше и пытается эти факты теоретически осмыслить, дать теорию больших циклов, равнозначную той теории, которая выясняет внутренний механизм движения обычных или, по терминологии Кондратьева, средних циклов капитализма.

По мере того как росло усердие Кондратьева в деле „открытия“ (или вернее „изобретения“) совершенно новой закономерности капиталистического процесса, росла и критическая литература, посвященная „теории“ больших циклов, так что в настоящее время эта тема является, пожалуй, одной из самых „модных“ в нашей прессе. Наиболее серьезному разбору она подвергалась — преимущественно с формально методологической стороны — в работе Базарова „Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР“. В числе журнальных рецензий и статей можно отметить рецензию Суханова в „План Хоз.“ и статьи Губермана в „Соц. Хоз.“ Кроме того, ей в недавнее время посвящена подробная статья Герценштейна, критикующая теорию с точки зрения ее соответствия фактам и с теоретической точки зрения. Хотя в этой последней статье сам критик делает, на наш взгляд, существенные ошибки (напр., в его интерпретации роли основного капитала в промышленном цикле), тем не менее, кондратьевская концепция получила в ней довольно основательный разбор. Наконец, контр-доклад Опарина и прения в РАНИОНе. Вся эта критическая литература почти исчерпы-

вает вопрос и тем самым избавляет нас от необходимости заняться здесь „развернутой“ критикой.

Мы ограничимся поэтому только такими замечаниями, которые до сих пор оставались в тени или недостаточно подчеркивались.

Существование больших „волн“, т.е. различная интенсивность капиталистического развития в разные исторические эпохи, представляет собою факт общеизвестный в литературе. Среди марксистов Парvus в свое время только наиболее выпукло изобразил это явление, которое было известно и до него. Было бы в самом деле странно, если бы этих длительных волн не было, если бы капитализм обладал постоянным темпом движения, или постоянством ускорения или замедления своего движения. Вопрос состоит, однако в том, допустимо ли эти „волны“ считать „циклами“, обусловленными внутренней закономерностью капиталистических отношений.

Тогда возникает дальнейший вопрос: по какому праву Кондратьев, во-первых, называет их „циклами“, движение которых совершается с внутренней закономерностью, по какому праву он отождествляет законы этих „колебаний“ с законами движения „среднего“ цикла, под которым Н. Д. Кондратьев подразумевает обычный капиталистический цикл? А ведь Кондратьев переносит до мелочей все то, что знает о „средних“ циклах, на большие: тут и закономерное возобновление основного капитала (заимствовано у Маркса), как материальная основа длительных колебаний, тут и накопление свободного денежного капитала в годы депрессии (заимствовано у Тугана), тут и технические революции, которые также приходится на годы депрессии, и переломы в соотношениях движения цен, издержек производства и пр. Одним словом, полное „подобие“ обычного промышленного цикла, только спроектированное на более продолжительный отрезок времени.

Если, однако, ближе присмотреться, то окажется, что в этом пресловутом „большом цикле“ отсутствует самый характерный момент обычного цикла: нет кризиса, как точки перелома или „перегиба“. Арифметические упражнения с тщательным „выглаживанием“ рядов с по-

строением „плавных“ кривых, „колебательных“ движений с мягкими очертаниями поверхностей „волн“, — весь этот математический и статистический аппарат, который, при правильном употреблении, должен был бы служить для лучшего понимания закономерностей действительного хода вещей, на самом деле сыграл с Кондратьевым и его приверженцами злую шутку: он совершенно исказил подлинный смысл циклического движения. В гладких волнах — больших или малых — нет кризиса, а кризис — это „душа“ промышленного цикла, это фокус, в котором все сходится. Именно поэтому ведь вся теория конъюнктуры идет от кризисов. Если нет критической точки, если в диаграммах тщательно разглажены все зазубрины и острые углы, то нет ничего легче обобщать „колебания“ вообще, различать эти колебания только по „длине волн“. Обычные, „средние“ промышленные циклы имеют критическую точку перегиба, которая может быть установлена почти с календарной точностью, которая и соблазнила авторов Гарвардского барометра на предсказывание конъюнктуры. Большие циклы лишены этого „фокуса“ всех противоречий капитализма. Значительное место в прениях занимал даже вопрос о том, где начала и где концы этих кондратьевских волн, при чем эта неопределенность „точки перегиба“ охватывает десятилетия и больше. „Критической точки“ нет, но так как и средние циклы разглажены услужливыми „скользящими средними“, то на диаграммах исчезает разница. Не требуется затем никакого остроумия для того, чтобы уподобить одно другому и почивать на лаврах, „тихо и плавно качаясь“ по большим и малым волнам.

Между „большими“ и „средними“ циклами оказывается, однако, не только глубочайшая качественная разница, исключаяющая возможность уподобления; между ними есть и весьма существенное различие чисто количественного порядка. Так, по указанию Опарина, „годовой прирост (или понижение) средних циклов в большинстве случаев превышает годовой прирост больших циклов в 15—19 раз (один раз в 10 раз, другой раз в 24 раза)“.¹ Натуральные колебания, т.е. колебания физического объема производства, товарооборота и пр. приходится рассматривать под микроскопом. И тем не менее, Кондратьев считает возможным на таком фундаменте строить грандиозные универсальные обобщения „планетарного“ масштаба: оказывается, что решительно все стороны общественного бытия от дворцовых переворотов до мировой войны, от швейной машины до железной дороги предопределены самопроизвольным движением этих больших циклов. Вот уже действительно на грош амуниции, на

рубль амбиции. Кондратьев заявляет совершенно неожиданные претензии на то, чтобы дать в своей „теории“ больших циклов „экономическое обоснование“ новейшей (пока что) истории, притом такое обоснование, которое было бы ортодоксальнее самого ортодоксального марксизма. Марксисты, видите ли, впадают в идеализм, когда рассматривают открытие новых рынков, золотых россыпей, войны и революции, как факторы „внешнего“ воздействия на капиталистическую систему. Все, дескать, должно быть объяснено из единого экономического принципа, и этот единый принцип — колебание больших циклов, от которого и дождь и ведро. Ни дать, ни взять — марксизм чистейшей воды. В истории науки нередки случаи, когда большие ерощенпаченде открытия в той или иной специальной области делаются диллетантами. Почему бы в самом деле ученику Тугана-Барановского не совершить научный подвиг в марксизме, обогатив его новой универсальной теорией? К сожалению, теория Кондратьева такого сорта, о которой Маркс давно выразился — еще в письме в редакцию „Отечественных записок“, что приписывание ему подобных взглядов делает ему слишком много чести, но в то же время слишком много бесчестия. Между тем, там речь шла о сравнительно гораздо более скромной вещи, чем о претензии Кондратьева уложить всю всемирную историю в параболу n-го порядка. „Экономический материализм“ Маркса и Энгельса значительно „либеральнее“ относится к воздействию „внешних факторов“ надстроечного и всякого иного порядка, чем „экономический фатализм“ Кондратьева.

Однако, этот „сверхмарксистский“ подход противника Маркса имеет под собой довольно прозрачную подоплеку. Тщательно подсчитав все социальные сдвиги и потрясения „от Ромула до наших дней“, среди которых в один ранжир равноправных статистических единиц выстроены, напр., восстание в Герцоговине в 1875 г. и мировая война 1914 г., — Кондратьев устанавливает такую „эмпирическую закономерность“: „Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн“. Заметим при этом, что мировую войну и все, ей сопутствующее, Кондратьев относит к „повышательной волне“. Не будем читать в душе автора, но для всякого непредубежденного человека объективный смысл этого закона совершенно ясен: социальные потрясения не только не трясут капиталистическую систему, наоборот, служат симптомом ее полнокровия и мощи. Они сопутствуют повышательной волне, отсюда следует, что беспочвенны были те оценки, которые рассматривали мировую

войну, как симптом начала конца капитализма. С другой стороны, Кондратьев констатирует, что после 1920 г. капитализм вступил в длительную депрессивную волну, как будто, революционный вывод. Но не торопитесь: депрессия по Кондратьеву несет с собой относительный социальный мир и благоволение, а потому новых потрясений (которые будут только содействовать возвышению конъюнктуры) ждите не раньше конца депрессии, т.е. этак лет через двадцать. Вокруг этих схем, в которых действительность выворочена наизнанку и ориентирована с помощью несложных „математических“ фокусов, Кондратьев чертит магический круг с надписью: „при вступлении в науку следует оставить всякое подозрение, и всякая низость здесь должна умереть“. Мы, конечно, не имеем причин в чем-либо лично заподозреть Кондратьева, но тем подозрительнее его „наука“. Чтобы понять цену всем этим социально-историческим выкладкам, достаточно вспомнить, что сам автор не в состоянии точно указать, где начинаются и где кончаются его пресловутые волны? То ли в 80-х, то ли в 90-х годах XVIII века (повышательная волна первого цикла), то ли 44, то ли 55 год XIX века (повышательная волна второго цикла), то ли 91, то ли 96 год (повышательная волна третьего цикла). Не лучше и с концами. Так, Кондратьев не может сам точно определить, как быть с отрезком 1914—1920 гг., отнести ли его к концу повышательной или к началу понижательной волны. Стоит передвинуть соответствующие сроки в пределах того, что сам автор считает неопределенным, как, напр., такие „эпизоды“, как Великая французская революция, революция 1848 года, мировая война, октябрь и пр. передвинутся из повышательных в понижательные волны.

Не имея возможности останавливаться детально на теории Кондратьева — основательную во многих отношениях критику читатель найдет в самой книге, в контрокладе Опарина, где преимущественное внимание обращено на методологию Кондратьева, в выступлениях Крейнина и др., — мы здесь ограничимся следующими беглыми замечаниями. Кондратьев исходит из того, что периоды больших циклов определяются периодами обновления основного капитала длительного пользования. Казалось бы, доказательству этого тезиса должны были бы в первую очередь по-

свящаться статистические изыскания, хотя бы в форме сравнительного анализа динамики цен на соответствующую группу товаров, как это делается при изучении „средних“ циклов: ничего похожего мы нигде не находим. Даже в последней статье Кондратьева (см. „Вопросы Конъюнктуры“, № 4), которая специально посвящена изучению относительной динамики цен, мы этого анализа не находим. Кондратьев строит свои кривые на основании данных отдельных стран, исходя из той предпосылки, что между движением мировой конъюнктуры и конъюнктуры той или иной страны существует параллелизм. По отношению к обычным циклам это несомненно так, но в отношении длительных колебаний в полсотни лет такая предпосылка — нелепость.

Что касается теоретической стороны дела, то Кондратьев оперирует с динамикой основного капитала как будто по Марксу. На самом деле, однако, он выводит ее из учения Маршалля о коротких и долгих периодах производства, а это „две большие разницы“. Маршалль строит свои короткие и долгие периоды применительно к вопросу о соотношениях между спросом — предложением и издержками производства. В короткие периоды цены определяются спросом и предложением, в долгие — издержками производства (включая амортизацию и пр.). Теория коротких и долгих периодов у Маршалля есть, таким образом, не что иное, как развернутая теория колебания цены вокруг издержек. „Циклы“ в полсотни лет уже сами по себе являются в этом отношении сумасшедшими пустяками. А кроме того — колебания цен вокруг издержек, это совсем не тот тип колебаний, который характеризует движение промышленного цикла, и вовсе не с этой стороны основной капитал представляет собой „материальное основание“ кризисов и циклов. Смещение этих двух типов колебаний имеет опять-таки своей подоплекой стремление сгладить „острые углы“.

В области капиталистической динамики перед марксистами — еще непочатый край работы. В частности, это относится к изучению длительных волн движения. Но „теория“ Кондратьева ни в каком смысле не может служить здесь руководящей нитью. Не многим лучше обстоит дело и с его фактическим материалом.

А. Светлов

Сырьевые проблемы промышленности. Сборник статей и материалов. Под общей редакцией А. Л. Соколовского. ГИЗ, 1928 г., стр. 542.

В основу разбираемого нами сборника, как заявляется в его предисловии, положены „материалы специальных комиссий ВСНХ СССР, созданных в 1926/27 г. для проработки вопроса о сырьевых проблемах промышленности

СССР“. В комиссиях участвовало свыше пятидесяти работников различных хозяйственных и научных учреждений и статьи сборника, по существу, являются продуктом коллективного творчества.

¹ „Большие циклы конъюнктуры“, стр. 224.

Сборник открывается введением А. Л. Соколовского и разбит на три части. Первая часть посвящена общим вопросам всего сырьевого хозяйства нашего Союза в целом; вторая — отдельным видам сырья и третья представляет собой богатые табличные приложения (балансы, цены, индексы и эквиваленты сырья).

Первая часть состоит из пяти больших статей: 1) с.-х. сырьевая база промышленности, 2) роль рыночных факторов и организация заготовок сырья, 3) сырьевые цены, 4) проблема финансирования сырья и 5) первичная обработка, хранение, сортировка и т. п. сырья.

Во второй части каждая статья довольно подробно разбирает тот или иной вид сырья, начиная от хлопка и кончая хмелем.

Все статьи насыщены цифровым материалом, относящимся к разным периодам развития, упадка и восстановления сырьевого хозяйства и являются в этом отношении великолепным справочным материалом. В этом одно из основных достоинств книги.

Известно, что внутренние наши ресурсы по ряду сырьевых культур и видов далеко недостаточны для государственной промышленности. Так, по сырию для текстильной промышленности (хлопок, кенаф, джут, шерсть) и по кожсырью удельный вес импортного сырья в переработке промышленности составлял в 1927/28 г. 23,80%. А в 1932/33 году (по контр. цифрам промышленности) удельный вес импортного сырья будет составлять 21%. Все это — результат недостаточного развития собственного сырьевого хозяйства в сравнении с ростом промышленности. Разрыв будет наблюдаться, как мы видим, более одного пятилетия.

Эти цифры говорят о том, какую громадную проблему в развитии всего народного хозяйства представляет собой сырьевая проблема.

Основной нашей задачей в данной области является задача всемерного развития сырьевого хозяйства страны и увязка его с государственной промышленностью, с тем, чтобы в наиболее короткий срок можно было освободиться от ввоза всех видов сырья из-за границы и направить максимальный процент заготовок товарного сырья по обществу в руслу.

К практическому разрешению этой задачи можно подходить по-разному. Можно перебарщивать и в ту и в другую сторону. Иные в разрешении задачи перегибают палку в сторону узко-практического удовлетворения интересов промышленности данного периода, недоучитывая основных предпосылок под'ема сырьевого хозяйства на ряд лет. Другие рассматривают сырьевое хозяйство, как самоодвигательное целое и отрывают его от основного потребителя — госпромышленности, в то время как в наших условиях развитие сырьевого хозяйства страны нельзя

рассматривать вне связи с развитием промышленности; более того — проблема сырья должна быть подчинена развитию госпромышленности, играющей основную, руководящую роль в народном хозяйстве. В практической работе на сырьевом фронте чаще встречаются отклонения в ту или другую сторону от указанной нами установки. Поэтому правильная постановка вопросов в теоретических работах играет еще большую роль.

Как ставит и разрешает данные вопросы сборник?

Перечисляя ряд мероприятий, которые должны быть проведены в связи с развитием сырьевой базы, сборник считает, что непосредственное проведение в крестьянское хозяйство всех вышеуказанных мероприятий должны взять на себя специальная производственная кооперация и разветвленная сеть органов наркомзема.

„Настоящий сборник проникнут центральной мыслью о необходимости, в интересах создания реальных условий для развития сырьевой базы, максимальной активизации сырьевой политики в сторону глубокого планового вмешательства в производственные процессы сырьевого хозяйства“.

Так ставит вопрос в своем введении А. Л. Соколовский и в такой плоскости поставлены и разрешаются вопросы во всех статьях сборника.

Необходимость увязки распыленных сырьевых хозяйств через производственную контрактацию с промышленностью и необходимость производственного кооперирования и коллективизации проходит красной нитью через весь сборник.

В сборнике правильно разбираются и отдельные вопросы заготовительной политики, как, например, вопрос политики цен. Сборник не становится на крайнюю точку зрения, отводящую ценам последнее место в ряде мероприятий под'ема сырьевого хозяйства. Сборник также не одобряет и другой крайней точки зрения, способной видеть в индексе и ценах единственный целесообразный фактор. Разумеется, что и правильное соотношение индексов и ряд агрикультурных, производственных и финансовых мероприятий совершенно необходимы для реконструкции и под'ема сырьевого хозяйства.

Есть в сборнике, правда, отдельные „непризнанные“ и неприемлемые в практической работе установки, как, например, предложение упразднить конвенционные цены на отдельные виды сырья и установить максимальные отпускные цены при сдаче сырья промышленностью и, с другой стороны, установить порайонные минимальные цены, ниже которых нельзя заготавливать сырье у крестьян (стр. 75). На стр. 109 прямо предлагается предоставить Кожсиндикату „право более гибкого, в целях конкуренции с частниками, маневрирования ценами вместо

существующей сейчас практики конвенционных цен“. Нет сомнения, что при условии введения в жизнь этих предложений по всем видам сырья, в частности, по кожсырью, мы бы имели очень много извращений на рынке.

В некоторых статьях также незаслуженно много обвиняются местные регулирующие органы. На стр. 49, например, говорится: „Состояние неупорядоченности рынка сырья и преобладание стихии над плановостью (курс. наш. В. Н.) усиливалось вследствие того, что местные органы, регулирующие рынок, как правило весьма слабо осуществляли директивы центра“.

Здесь даже общая установка неверна. Нельзя сказать, чтобы у нас на сырьевых рынках преобладала стихия над плановостью. Государственное регулирование было раньше и год от году улучшается. Надо сказать, что и сами авторы в других местах книги говорят противоположное указанной мысли. Нельзя также говорить, что местные регулирующие органы „как правило“ не выполняли директив центра. Как раз наоборот, — как правило директивы центра выполнялись и выполняются, но есть отдельные отклонения от этих директив, подчас вызванные местными специфическими условиями.

Но эти отдельные недочеты все же не искажают общей правильной линии, по которой построен материал сборника.

В статье „С.-х. сырьевая база промышленности“ много цифрового материала, делающего статью весьма ценной.

Здесь на основе всех имеющихся у нас статистических данных выведена динамика посевных площадей, урожайности, валовых сборов и товарности по отдельным видам и культурам сырья. Данные имеются и за довоенный период и за период пореволюционный.

Статья совершенно правильно намечает дальнейшие пути развития сырьевой базы — производственное кооперирование и дифференциация кооперации, рациональные организации крестьянского хозяйства (землеустройство и др.), внедрение ряда агрикультурных мероприятий и проч.

Статья „Роль рыночных факторов и организация заготовок сырья и снабжение промышленности“ дает много фактического материала, характеризующего товарность сырьевого хозяйства, сырьевые индексы, роль кооперации, частного капитала на рынке, состояние снабжения промышленности и т. д.

Интересно отметить падение товарности по ряду товаров (лен, пенька, шерсть грубая, кожсырье) как абсолютно, так и относительно к довоенному уровню. В основе этого явления кроется большее потребление сырья в самих крестьянских хозяйствах в силу недостаточности и, часто, дороговизны промтоваров.

Надо отметить еще уменьшение урожайности по ряду культур по сравнению с довоенной. Несмотря на то, что мы достигли во многом довоенных площадей и даже превысили их, урожайность далеко отстает от довоенной.

Эти два факта — уменьшение урожайности и товарности сырьевого хозяйства — еще более указывают на необходимость всемерного производственного кооперирования крестьянских хозяйств, на что и упирают авторы статей.

В вопросах заготовок сырья серьезнейшую роль играют снабжение сырьевых районов хлебом и промтоварами и соответствие индексов. Этой проблеме уделено много внимания в статье.

Статьи „Сырьевые цены“ и „Проблемы финансирования сырья“ освещают: первая — динамику цен по отдельным видам сырья, вторая — финансирование в функциональном и потоварном разрезе.

К сожалению, в обеих статьях не фигурируют или очень мало фигурируют данные за 1927/28 г., имеющий в этой области свои крупные специфические особенности. Но ценность статей не теряется, поскольку они анализируют данные за ряд лет.

В вопросах сбытовых цен на сырье громадное значение играют различные расходы по заготовкам сырья. Административно-хозяйственные расходы по ряду товаров (хлопок, лен и пр.) возросли по сравнению с довоенными в два—три раза. Здесь много ненормальностей и на эту сторону надо обратить серьезное внимание как органам промышленности, так и органам регулирования. Сборник правильно заостряет внимание на данном вопросе.

Вторая часть книги больше по под'ему первой. Здесь нашли хорошее освещение такие культуры и виды сырья, как хлопок, лен, пенька, шерсть, кожсырье, шелк, маслосемена, сахарная свекла, табак, махорка, промышленный картофель, ячмень, хмель, кукуруза.

Здесь же имеется статья, посвященная проблеме новых волокнистых веществ в СССР (кенаф, кендырь, дикая конопля, лен — кудряш и др.).

Мы не будем останавливаться на каждой из этих статей в отдельности. Скажем лишь, что те основные моменты, которые получили отражение в первой части книги, детально проработаны во второй части по отдельным товарам. Каждая статья дает ясное представление о той или иной культуре сырья. Хлопку посвящена даже вторая статья „Мировой хлопковый рынок“, благодаря которой легче оттенить роль и значение нашего отечественного хлопка. Во всех статьях, повторыем, есть много ценного материала для желающего познакомиться с сырьевыми рынками СССР. Книга сыграла безусловно большую роль, как практическое пособие работникам хозяйственных, регулирующих, промышленных и других

учреждений и организаций. Не может обойти книгу и теоретик-исследователь в силу того, что она имеет много фактического, серьезного материала. Табличные приложения в этом отношении еще более обогащают книгу.

В заключение остановимся на двух общих недостатках. Это, во-первых, повторения в отдельных статьях — особенно между первой и второй частью книги (цены, регулирование рынка, динамика посевных площадей и пр.). Правда повторения — неизбежное зло больших сбор-

Фабрично-заводская промышленность гор. Москвы и Московской губернии 1917—27 гг.
Изд. Моск. Стат. Отдела, М. 1928, стр. 58+173.

Настоящее издание Московского Стат. отдела представляет собою сводку материалов по ценовой промышленности гор. Москвы и Московской губернии и состоит из текстового очерка московской промышленности (стр. 7—55) и 35 статистических таблиц на 173 страницах. Как в таблицах, так и в тексте охват вопросов промышленной статистики весьма большой. Кроме общих размеров промышленности, затрагивается и ряд других вопросов, как-то вопросы техники, потребления топлива, рабочей силы, соц. - хозяйственной структуры, территориального размещения, ценности основного имущества.

Сказать, однако, чтобы издание давало сколько нибудь исчерпывающее представление о московской промышленности никак нельзя. Полнее всего даны общие размеры промышленности по числу рабочих и валовой продукции с распределением по отраслям и с динамикой не только по годам, но и по кварталам, а иногда и по месяцам. Эта „динамическая“ сторона несколько даже гипертрофирована, зато ряд других сторон явно недоразвит по сравнению с тем, чего можно было бы ожидать при данном объеме издания.

По линии техники даются лишь силовые установки и их работа по производствам с выделением мощности электромоторов чужого тока и доли электроэнергии в общей сумме выработанного числа HP; более детальной характеристики силовых установок не дается; о прочем оборудовании нет никаких данных.

Весьма недостаточна и характеристика рабочей силы, нет данных ни об ее составе (по полу, возрасту и т. д.), ни об ее квалификации, ни о заработной плате.

Несколько полнее дан учет стоимости и структуры валовой продукции и ценности основного имущества (таблицы 26—32). Особенно полной дается расценка издержек производства: вспомогательные материалы, текущий ремонт, топливо, амортизация, канцелярские и пр. общие административные расходы, прочие общие расходы, зарплата, накладные расходы на зарплату, начисления на зарплату, аренда, страхование, налоги и сборы, акциз-

ников, но кое-что можно было бы в данном случае устранили. Например, статью „Сырьевые цены“ можно было не помещать в сборник, как отдельную (она все равно разбивается внутри на отдельные виды сырья), а разместить материал во второй части и в статье „Роль рыночных факторов“. Второй недостаток — дороговизна книги — 7 руб., почти недоступная индивидуальному читателю.

В общем же данный сборник — ценный вклад в нашу экономическую литературу.

В. Носов

Совсем зато плохо обстоит дело с „географией“, которой в наших статистических изданиях вообще не уделяется должного внимания. Здесь можно указать (если не считать выделения г. Москвы в особую единицу по роду таблиц) только на таблицу распределения ценовой промышленности по уездам с расчленением по отраслям за годы: 1924/25, 1925/26 и 1926/27; и данными о числе заведений, числе рабочих и стоимости валовой продукции. Не учтен даже такой очень важный и характерный момент (и вообще для нашей страны и для ЦПО в особенности), как распределение промышленности на городскую и внегородскую. Никак не охарактеризовано отношение промзаведений к путям сообщения и, конечно, не дано никаких картографических иллюстраций. Не дано также никаких показателей, по которым — согласно существующих теорий о стандарте промышленности — можно было бы судить о выгодности пространственного размещения промзаведений.

В наше время, когда в связи с новым капитальным строительством в области промышленности, вопросы промышленной географии приобрели особую актуальность и остроту, такое полное игнорирование этой стороны промышленности в статистических материалах представляет очень неприятный момент. Ибо на основании каких же данных можно разрешать вопросы размещения новых промзаведений, если отсутствуют данные, по которым можно было бы решать вопросы географии уже существующих промзаведений.

На эту сторону дела пора было бы обратить внимание и учесть интересы географии промышленности вплоть до бланков первичной регистрации.

Отмеченные выше проблемы в монографической работе, да еще по столь важному участку нашей территории, конечно, особенно неприятны, но все эти проблемы являются общей „бедой“ нашей промышленной статистики, в каковой беде настоящее издание, ничем не „причинно“.

Само же по себе в указанных рамках оно дает материал достаточно содержательный и нужный.

Н. Баранский

Я. Б. Диманштейн. Металлургическое производство Закавказья в связи с условиями развития металлургии СССР. Изд. ЭКОСО СССР Абхазии. 1928 г., стр. 200.

Лишь в этом году мы приступаем к первой очереди крупного строительства черной металлургии. Еще много усилий будет потрачено, прежде чем народное хозяйство Союза ССР получит металл выработки тельбесского или нового уральского заводов.

Тем не менее, уже теперь следует подытожить заявки всех районов Советского Союза на дальнейшее строительство металлургических заводов, чтобы в соответствии имеющимися материалами решать вопрос о направлении промышленных разведок железных руд и углей. Поэтому рассмотрение в первом приближении вопроса о закавказской металлургии является вполне своевременным.

Работа Я. Б. Диманштейна ставит проблему черной металлургии Закавказья (непонятно, почему в заголовке указана более общая тема „Металлургическое производство“, ведь в Закавказьи имеются залегающие и медных руд).

В 1927 г. работники Азербайджана выступили с проектом создания металлургического производства на залегающих железных руд в Дашкесане или — второй вариант — в Гандже. С этой точкой зрения и полемизирует Я. Б. Диманштейн, указывая, что при отсутствии в восточной части Закавказья коксующихся углей и невозможности удовлетворения всей потребности Закавказья в сортовом металле из производства нового завода, вследствие разнообразия сортамента необходимого металла, Дашкесанский завод не является наиболее оптимальным решением проблемы Закавказской металлургии. Автор выдвигает иное разрешение вопроса о развитии черной металлургии Закавказья, именно создание Керченско-Ткварчельского комбината. По этому проекту коксующимся ткварчельским углем должен снабжаться Керченский завод, а обратным рейсом керченская руда будет подвозиться в Очамчыры (на западном побережье Черного моря, в Абхазии) или в Сухум, где эта руда будет плавиться на угле, получаемом из находящихся поблизости (от Очамчыры всего в 33 км) ткварчельских залегающих.

В сравнении преимуществ дашкесанского и очамчирского проектов автор исходит из следующих положений.

Предположим, что Дашкесанский завод должен снабжаться ткварчельским углем, а металлургический завод на Западно-Кавказском побережье — дашкесанской рудой. Тогда: 1) „С точки зрения величины подлежащего перебору сырья (при равенстве железнодорожного тарифа на руду и уголь положение примерно одинаково в случаях расположения завода на

угле и на руде“ (стр. 143); 2) „С точки зрения близости к рынку положение было бы более благоприятно для Дашкесанского завода лишь в случае производства сортамента, специфически потребной нефтяной промышленности“ (стр. 143), но „это преимущество... в большей степени утрачивает свой удельный вес, если и ходить из того, что и в будущем специфические нужды нефтяной промышленности (раньше всего в трубах) должны удовлетворяться действующими заводами, развивающимися именно в расчете на эту потребность и перестраивающимися сейчас в расчете на полное удовлетворение нужд нефтяной промышленности“ (стр. 147).

Между тем, по расчетам Я. Б. Диманштейна, для завода, расположенного на Западно-Кавказском побережье, керченская руда обойдется значительно дешевле: для ее производства достаточно будет установить всего один добавочный экскаватор на рудниках Керченского завода, а расходы на перевозку будут весьма невелики (загрузка обратного „порожного“ направления).

Расчеты Я. Б. Диманштейна, по признанию самого автора, „сугубо ориентировочны“. Весьма возможно, что их уточнение существенно изменит себестоимости металла. ¹ Конкуренция способности дашкесанского металла увеличится после положительного решения вопроса о коксовании тквибульских углей. Вместе с тем, перед геологами встает вопрос — нет ли оснований предполагать, что коксующиеся угли залегают и к востоку от Тквибули, т.е. еще ближе к Дашкесану. С другой стороны, Я. Б. Диманштейн исходит из ориентации Закавказского завода на широкий рынок. Нет уверенности, что снабжать металл нефтяной промышленностью Азербайджана — по крайней мере частично, в определенном сортаменте — менее экономично с Дашкесанского завода, чем с заводов УССР.

Вопросы снабжения металлом Закавказья и создание там металлургической промышленности заслуживают, без сомнения, внимания плановой мысли. При дальнейшем уточнении планов развития закавказской металлургии выдвинутые Я. Б. Диманштейном положения должны быть подвергнуты всесторонней проработке.

¹ Расчеты Я. Б. Диманштейна о дешевизне очамчирского металла уже отразились в нашей экономической прессе. Не так давно на страницах „Экономической Жизни“ выдвигалось предложение снабжать очамчирским металлом даже Среднюю Азию (статья Е. Юшкина в № 280 от 2 декабря 1928 г.).

Недостатком работы является некоторая несоразмерность ее частей. Вступительная часть, рассматривающая общие условия географического размещения металлургии СССР, занимает более половины книги. Было бы целесообразнее за счет некоторого сокращения этой 1 части более подробно рассмотреть специальные проблемы черной металлургии Закавказья, районирование потребления металлов в ЗСФСР, вопрос о снабжении азербайджанской нефтяной промышленности и т. п.

Формулировки Я. Б. Диманштейна не всегда точны (например, его возражение одному из сторонников Дашкесанского завода Хаджи-Косумову, стр. 168).

Повторение в рецензируемой работе неоднократно высказывавшегося Я. Б. Диманштейном мнения об "искусственности" концепции Урало-Кузнецкого комбината вряд ли подкрепило правильность этой точки зрения.

Ал. Брауде.

Техническая Энциклопедия. Изд. акц. общ. "Советская Энциклопедия". т. III. Бумажный брак — Водорода перекись, стр. 952, 827 иллюстр. т. IV. Водородные ионы — Газовые двигатели, стр. 936, 711 иллюстр. Справочник физических, химических и технологических величин, том I, стр. 478.

Если в I и II томах "Технической Энциклопедии" мы наткнулись на ряд дефектов текста (см. рецензию в № 6 "План. Хоз." за 1928 г.), то просмотр тт. III и IV, надо признаться, почти не дал результатов такого рода. Мы имеем, следовательно, основание утверждать, что большое и культурное дело издания "Технической Энциклопедии" продолжается с возрастающей тщательностью. Можно констатировать также в общем большую полноту изложения. В числе наиболее капитальных работ отметим: бурение скважин, велосипедное производство, вода, военные суда, воздушный винт, волокна прядильные. Высший совет народного хозяйства (где изложена, кстати сказать, эволюция организационных форм не только ВСНХ, но и самой промышленности). Кажется, более всего в тт. III и IV повезло горному делу. Укажем важнейшие статьи этого рода: бурение скважин, вентиляция рудничная, взрывные работы, взрыв каменноугольной пыли, водоотлив, воздушное обогащение руд, вскрытие месторождений, врубовые машины, газ рудничный, газлифт и др. У различных авторов замечается, конечно, тот или иной уклон, в сторону ли преимущественно конструктивных описаний, или изложения теории, или хозяйственного применения конструкций и экономики дела, под углом ли обобщения темы или ее детализации, — но в общем упомянутые статьи изложены просто, ясно и содержательно; таковы, например, статьи А. Попова и А. Гармаша в области каменноугольного дела, "Газлифт" Л. Процыкова, и др. Впрочем, в статье "Врубовые машины" приводятся частью устарелые данные и имеется несколько цифровых и фактических неточностей; в числе последних мы считаем утверждения, что "в С.-А.С.Ш. твердо держатся коротких забоев" и что "при длинных забоях почти всегда должна при-

меняться полная закладка выработанного пространства" (курсив наш. А. С.).

Несколько больших статей выпало на долю железнодорожного дела (вагоны, вагоностроение, верхнее строение пути) и текстильных производств (бучение, вискозный шелк, войлочное производство, волокна прядильные, вышивальное производство, вязальное трикотажное производство). Из области физики и теоретической механики отметим интересные статьи: вакуум, вихревая теория, волны, волчок, газ; из математических тем: вариационное исчисление, векторное исчисление, веревочный многоугольник; из экономических проблем отметим "Волго-Донской канал".

Как пропуск, отметим, что "выветривание" трактуется только в смысле "разрыхления и распада поверхностных горных пород под действием атмосферных агентов". Но тот же термин употребляется, напр., в выражении "выветривание угля": здесь имеется в виду разрушение угля, извлеченного из недр на поверхность, при долгом лежании, — своеобразный процесс окисления (абсорбции углем кислорода), сопровождающийся повышением температуры угля и ухудшением его топливных качеств. Термин "выветривание" здесь, может быть, не точен, но широко распространен, и следовало бы уделить место этому явлению.

Исключительную ценность представляет собой "Справочник физ., хим. и технол. величин" — издание, не имеющее, кажется, прецедента в русской научно-технической литературе. Справочник этот задуман особым изданием с целью разгрузить "Техническую Энциклопедию" от повторного приведения, объяснения и сравнения принятых в точной науке констант и др. цифровых величин, характеризующих различные свойства природы и техники и способы измерения таковых в процессах научного познания. Но в результате

получился, судя по т. I, не только подсобный труд к "Технической Энциклопедии", но издание, имеющее, кроме того, совершенно самостоятельное значение, притом отличающееся от "Т. Э." и по характеру изложения. Всякая популяризация здесь исключена, и справочник настолько насыщен концентрированным научным материалом, что и само пользование им требует более высокой и более специальной подготовки, чем, например, пользование "Технической Энциклопедией". Вышедший том I "Справочника" содержит основные, принятые в науке, константы, подробный перечень всех употребляемых в физике, механике, термодинамике и технике измерительных единиц в их взаимном сопоставлении (переводных коэффициентов), сосредоточенный в 79 таблицах, затем особое пояснение избранных технических терминов, встречающихся в справочнике. Особая глава дает справочный материал, относящийся к теории строения атомов (элементы, атомы, электроны, кванты). Богатый спра-

вочный материал содержится в ряде статей, объединенных в отделе "Лабораторная техника": здесь изложены, напр., все лабораторные приемы измерения и показатели температуры и методы достижения и поддержания постоянной температуры, в том числе и относящиеся к технике холода; затем — методы исследования явлений влажности, капиллярности, давлений, тяжести, процессов, применяемых в вакуумтехнике, а равно оценка возможных погрешностей лабораторного наблюдения. Наконец, около 350 страниц посвящено перечню химических элементов и их соединений, неорганических и органических, с изложением их характеристик, как-то: химических формул, молекулярного веса, удельного веса, точек плавления и кипения, кристаллического состояния, показателей преломления и др. Издание "Справочника", как и выход в свет очередных томов "Технической Энциклопедии", — надо горячо приветствовать.

А. Сегал

Весь мир. Всемирный политический и финансовый справочник. Под ред. М. Г. Бронского, М. И. Батуева и др. Изд. третье. ГИЗ, 1928 г., цена 12 руб. стр. XXIII + 1.207.

Справочник содержит: а) вводный очерк мировой политики — статья Л. Иванова (стр. I—XXIII); б) обзоры отдельных государств (кроме СССР) и владений, принадлежащих колониальным державам, с подробными сведениями об их политическом, административном и судебном устройстве, финансовом состоянии и важнейшими данными о производстве и торговых связях (стр. 1—1128); в) табличный материал (стр. 1131—1170), включающий сводные статистические данные как по отдельным государствам, так и по частям света, а также мировые итоги: территория, население, посевные площади и сборы важнейших с.-х. культур; основные группы промышленных производств, транспорт, вооруженные силы; г) алфавитный указатель встречающихся в справочнике наименований. В виде приложения даются две вкладные цветные карты: мировая политическая и таковая же карта Европы.

Кроме того, для важнейших государств (числом 50) даны упрощенные карты в самом тексте.

В целом справочник по богатству собранного материала представляет большую ценность и будет, несомненно, полезен тем кругам, на которые он рассчитан.

С особенной полнотой подобран здесь материал, относящийся к политическому, административному и судебному устройству. Ценным нововведением, по сравнению с первыми двумя изданиями, считаем мы включение географических сведений о государствах, хотя надо сказать, что эта часть разработана, к сожалению, довольно слабо.

Дефектами формального порядка надо признать недостаточную сжатость изложения, благодаря чему отчасти справочник разбух до размеров чересчур обременительных для потребителя-покупателя.

Без ущерба для фактического содержания тот же самый материал, какой дается в справочнике, можно было бы уложить в гораздо меньшем количестве листов и, следовательно, удешевить издание. Это относится, главным образом, к части, посвященной экономике отдельных стран; сокращение и вместе с тем упорядочение всего изложения в этой части легко было бы достигнуто прежде всего путем выделения из текста всех тех цифровых данных, которые поддаются табличному оформлению. Затем, незачем, нам кажется, воспроизводить в тексте те цифровые данные, которые помещены в сводных таблицах справочника.

Обращает на себя внимание, далее, непропорциональность в распределении материала между отдельными странами, не находящая себе объяснения в различиях удельного веса стран в политическом и экономическом отношениях. Так, напр., характеристике географических условий Канады отведено ровно 12 строчек, между тем как для Греции на ту же географию уделено 24 строки, для Палестины 22 строки. Тот же разбой и не только количественного, но и качественного порядка наблюдается и в некоторых других разделах — описание финансового хозяйства, внешней торговли, народного образования. Получается в общем такое впечатление, что во многих случаях раз-

меры очерка, отводимые для той или иной страны, устанавливались в зависимости не столько от важности страны в политическом или экономическом отношении, сколько от чисто случайных моментов, например, от обилия или отсутствия под рукой соответствующих материалов.

Более существенным недочетом надо считать отсутствие общей экономической характеристики по странам; нельзя сказать, чтобы такая характеристика не входила в программу справочника, так как для некоторых, однако, очень немногих стран составители делают попытку дать такого рода характеристики, не всегда впрочем удачные, а в некоторых случаях просто неверные.

Так, например, относительно Франции мы читаем: „Основной отраслью народного хозяйства является сельское хозяйство“ (стр. 924). Приводимые дальше самими же составителями фактические данные об удельном весе сельского хозяйства в национальном доходе и состав внешне-торгового баланса показывают обратное, т. е. что современная Франция является скорее индустриально-аграрной, но ни в коем случае не сельскохозяйственной страной, как это можно заключить на основании вышеприведенной „характеристики“.

Не совсем удачно составлены некоторые таблички, помещенные в тексте; так например, табличка, долженствующая характеризовать внешнеторговый баланс Австрии (стр. 17) составлена таким образом, что удельный вес особо поименованных главнейших товаров в составе экспорта выражается от 2,7% до 8,9%, но при этом в графу „прочих“ товаров отнесена такая масса товаров, что доля их составляет 74% для экспорта и 67% для импорта. Читатель вправе усомниться, действительно ли поименованные в табличке товары, составляющие вместе не более 1/4 всего, например, экспорта Австрии, являются главнейшими экспортными товарами Австрии. Такой же характер носят таблицы по внешней торговле Канады (стр. 209), Венгрии (стр. 364), Германии (стр. 412), Дании (стр. 485), Испании (стр. 529) и многих других стран.

Далее, в таблице, показывающей профессиональный состав населения Австралии (стр. 171), сельское хозяйство объединено с добывающей промышленностью под общим названием „добывающая промышленность“, при чем не сделано никаких оговорок и пояснений, включено ли сюда сельское хозяйство или нет; читателю самому предоставляется заниматься разгадыванием истинного смысла таблицы.

Выше мы указывали на недостаточную сжатость изложения, как дефект справочника. К этому необходимо добавить, что во многих случаях в справочник включены вообще излишние, вряд ли для кого-нибудь нужные подробности. Кому, например, кроме разве британских чиновников, понадобится сведения о том, что в сберегательной кассе на острове Фиджи к концу 1924 г. имелось 70.878 фунт. стерл. Столь же мало интересно русскому читателю знать, сколько имелось в обращении на острове Мальта британских казначейских билетов к 31 марта 1924 г.

С другой стороны, мало пользы дадут для читателя и те страницы справочника, где составители делают экскурсии в сторону объяснения некоторых экономико-географических явлений. Так, о причинах слабого развития промышленности в Египте мы читаем следующее: обрабатывающая промышленность в стране незначительна и носит кустарный и ремесленный характер, что объясняется отсутствием промышленного сырья (стр. 505). Допустим, что кустары и ремесленники работают в Египте без всякого сырья, но остается все же непонятным, чье же сырье в виде хлопка вывозится из Египта другими странами.

Все отмеченные дефекты не умаляют, однако, значения рецензируемого справочника, как необходимого пособия для широкого круга работников различных областей, хотя нужно подчеркнуть, что создание образцового справочника, дающего сведения по всему миру и по всем вопросам хозяйства и культуры — задача в высшей степени сложная и настоящим изданием далеко не разрешенная.

Н. Морозов

Financial and Business Forecasting by Warren F. Hackernell. Vol. I—II \$ 10.

Хакернелл. Предвидение конъюнктуры, 2 тома, цена 10 долл.

Немного найдется в Соед. Штатах экономистов, которые бы не занимались „предвидением“ (буквально „предсказанием“ — Forecasting) кризисов. Несмотря на огромную монополизацию в народном хозяйстве Соед. Штатов, страна время от времени переживает конвульсии кризиса. Кризис приносит расстройство хозяйственной жизни, обесценение капитала и хозяйственные осложнения. Всего этого достаточно, чтобы за изучение динамики

этого хозяйства взялись армии экономистов и статистиков Соед. Штатов.

Каждый по мере сил и возможности предлагает свой метод предвидения, свое средство исцеления. Насколько предложения разнообразны, можно видеть по вступлению Хакернелла. „Работы по изучению циклов напоминают мне, — пишет он, — историю с тремя слепыми и слонем. Что за животное есть слон? Один слепой, пощупав ногу слона, опи-

сал его соответственно своему впечатлению. Другой был с этим несогласен, так как его руки коснулись другой части слона и т. д. В подобном положении оказываются экономисты дискутирующие причины хозяйственных циклов“ (Vol. I). Далее автор отмечает, что один обращает внимание на продукцию, другой — на потребление, третий — на строительство, четвертый — на явления природы и т. д. Однако, все они неправы и потому, что односторонни, хотя по мнению Хакернелла „зерно истины“ скрыто у каждого (2). Но только одно зернышко. Хакернелл берет на себя почтенную задачу — соединить все зерна истины так, чтобы получить полную, целую истину.

Нужно ли говорить о том, что в результате такой попытки у Хакернелла получилась, как принято выражаться, эклектическая похлебка. Невольно ассоциируется рассказанная автором история с слепыми и слонем, хотя нужно сказать, что объединением усилий слепые могут достигнуть внешнего описания слона, но вряд ли слепые в состоянии проникнуть своим несовершенным средством познания дальше поверхностного описания слона. Так получается и с буржуазными экономистами, в том числе и с Хакернеллом. Они не проникают в закономерности экономических явлений, и только по внешним проявлениям — процента, индекса производства или цен — пытаются установить то, чего не может быть установлено в капиталистическом обществе.

Хакернелл начинает с того, что дает краткое перечисление течений в учении о кризисе. С этой целью он останавливается на Милле, Джевонсе, Муре, Жюльере и Митчеле. Хакернелл, разумеется, у каждого из них находит „зерно истины“ и в этом отношении его разбор не представляет какого-либо интереса.

Гораздо интереснее глава, в которой развита его теория Lownable Funds — „закон кредитного фонда“. Хакернелл делит причины циклов на два вида — постоянные и случайные. К случайным относятся войны, урожай, политика, добыча золота, инфляция бумажных денег и др. (30). К постоянным относятся „кредитный фонд, новые финансирования, новое строительство, цены строительного материала, продукция фабрик, занятость, заработная плата, прибыль и т. д. Предложение кредитного фонда является наиболее важным фактом в теории циклов“. (31) Простое перечисление не причин, а вернее, показателей состояния народного хозяйства показывает, что Хакернелл даже не приближается к правильной постановке вопроса. Все эти показатели в разных вариациях очень распространены в литературе Соединенных Штатов, так что перечислением их Хакернелл не открыл „Америку“.

Однако, присмотримся к его Law of Lownable Funds. Оказывается, весь его закон сводится к следующим семи пунктам.

1) Обилие кредита вызывает падение процента и повышение ценных бумаг.

2) Повышение курса ценных бумаг облегчает новое капитальное строительство, что, в свою очередь, увеличивает спрос на рабочую силу и строительный материал. Заработная плата и цены растут; торговля расширяется.

3) Последнее увеличивает потребность в кредите, что, в свою очередь, увеличивает обращение банковских билетов.

4) Израсходование банковских фондов вызывает повышение процента, уменьшение продажи ценных бумаг; строительство сокращается.

5) Падает спрос на строительные материалы, цены падают, фабрики сокращают производство, заработная плата падает, торговля сокращается.

6) Последнее сокращает спрос на банковские фонды, в результате чего банковские билеты начинают обратно притекать в банк.

7) Сокращение займов и возвратный приток золота и банковских билетов увеличивает фонд займов. Процент падает (32).

Таким образом, процесс, очевидно, начинается с самого начала. В этом и заключается вся теория Хакернелла.

Но можно ли назвать теорией простое описание явлений, обычных при сменах подъемов депрессий. При самом горячем желании Хакернеллу помочь нельзя, у него нет никакой теории.

Предположим на один момент, что приведенные 7 пунктов представляют самую абстрактную теорию. Тогда, повидимому, нужно обратиться к логике Хакернелла.

Первый вопрос — откуда накопился фонд для первоначального подъема? Нельзя же полагать, что по шучьему велению в банках оказался такой огромный фонд, который создал подъем. Следовательно, должна быть обоснована отправная точка для perpetuum mobile Хакернелла.

Вся семипунктная схема была нужна Хакернеллу для того, чтобы доказать, что возможно избежать кризиса, если наложить контроль на деятельность банков. Хакернеллу кажется необходимым установить стабилизированное хозяйство. При режиме стабилизированных цен не будет потерь для отдельных групп хозяйства, не будет безработицы, предприниматели больше будут обращать внимания на изобретение, а не на спекуляцию и доходы.

Но многие экономисты правильно сомневаются в необходимости стабилизированных цен. Фишер, например, считает их вреднейшей утопией. Сомневаются также, и правильно, в возможности контролировать и не допускать подъемов и депрессий. Не устранив закономерности в развитии капиталистического обще-

ства, нельзя строить, по крайней мере бесполезно, схемы, устраняющие кризисы.

Однако, пора уже заметить, что не теория Хакернелла заставляла нас остановиться на ней внимание читателя. Более интересен остальной материал его книги. Он делится резко на две части:

1) Описание кризисов за XVIII и XIX столетия.

2) Описание кризисов в различных отраслях народного хозяйства, банках и т. д.

Принимая во внимание, что Хакернелл добросовестный эклектик, он дает самое подробное описание отдельных кризисов. Правда, отдельные даты Хакернелла не совпадают с датами других источников, отдельные кризисы Хакернеллом опущены, тем не менее, его работа довольно ценна.

При разборе материалов Хакернелла нельзя забывать основного — его теорию заемного фонда. Правда, описание кризисов почти всегда противоречит его теории. Возьмем кризис хотя бы 1839 г. Условия производства хлопка позволили американцам организовать корнер (Corner). Цены на хлопок быстро скакали вверх. Английские текстильщики искали запасы английского банка. В 1839 г. оказался в

Англии неурожай и она вынуждена была ввозить много иностранного хлеба за валюту. Последние запасы банка начали быстро отливать из страны в Америку. В результате — назревший промышленный кризис разразился может быть скорее, чем это произошло бы при хорошем урожае. Следовательно, банк играл здесь лишь подчиненную роль, а все кризисные явления были вызваны противоречиями в производстве.

Да и сам Хакернелл ослабляет значение своей теории, признавая слияние „перекрестных течений“. Резюмируем:

1) Оба рецензируемых тома представляют образец теоретической импотенции. В этой части книга совершенно не оригинальна и не интересна. Хорошо, что она коротка.

2) Разбор истории кризисов дает материал для построения теории и при критическом отношении материал может быть использован.

3) Не мало интереса представляет II том, рассматривающий районное и отраслевое течение кризисов.

4) Книги сопровождаются библиографией, главным образом, американской литературы. Следовательно, с книгой полезно ознакомиться.

Г. Гордеев

America's Secret the Causes of her economic Success by Ellis Barker With introductions by H. Hirst and E. Benn, London 1927, pp. 418.

Эллис Баркер. Секрет Америки. Причины ее экономического благополучия. Лондон, 1927.

„В былые времена, — говорит автор, — весь мир учился у Англии. Разнообразные лондонские выставки второй половины прошлого столетия были переполнены деловыми людьми с континента и из Соединенных Штатов. Они с завистью наблюдали за экономическими успехами Англии и старались следовать ее примеру“. В настоящее время, с грустью продолжает Баркер, английская промышленность не может служить образцом для подражания. Иностранцы, которые желают применить новые методы производства, транспорта и пр., уже не ищут их в Англии, а в Соед. Штатах и Германии. Многочисленные английские комиссии и исследователи отправляются в Заатлантическую республику, чтобы изучить благоприятные результаты американских методов. Положение английской торговли, финансов, банковского дела, судоходства и других отраслей хозяйства весьма печально. Английская внешняя торговля, раскинутая по всему миру банковая система, ее обширный торговый флот основываются на развитой внутренней промышленности, на ее фабричном производстве. Продолжающийся застой и падение производительности английской

промышленности, несомненно, приведут к застою и английскую внешнюю торговлю, ее коммерческое судоходство и подорвут финансовую мощь Англии. Если Англия будет не в состоянии расплачиваться с иностранными государствами за продовольствие и сырье, которые необходимы для ее промышленности, импорт Англии упадет и миллионы ее населения будут вынуждены эмигрировать вследствие безработицы. Сужение внешней английской торговли приведет к соответствующему падению судоходства. С другой стороны, прогресс Соед. Штатов так стремителен, что если в ближайшее время не произойдет перемены, Англия быстро снизойдет до положения Бельгии или Голландии, а ее колонии и доминионы отойдут к Соед. Штатам.

В чем же выход из того критического положения, в котором оказалось английское народное хозяйство? Автор видит выход в „американизации“ Англии, в восприятии английским народным хозяйством тех методов, которые создали небывалый успех Соед. Штатов. В чем же видит автор секрет успеха Америки?

Обычно указывают на огромные естественные ресурсы Соед. Штатов. Несом-

ненно, эти ресурсы велики и очень разнообразны. Но естественные ресурсы, отмечает автор, обращаются в богатства только под воздействием труда человека и особенно труда промышленного. В организации этого труда — секрет благосостояния Соед. Штатов. Основные черты американской промышленной организации, которые обеспечили такой быстрый прогресс Соед. Штатов, Баркер видит в создании крупных промышленных концернов big business. Именно эти грандиозные промышленные организации обеспечили триумф американской промышленности.

Американская „Стиль Корпорейшен“ в настоящее время производит больше железа и стали, чем Англия, Франция и Германия вместе взятые. Форд в три недели дает столько же автомобилей сколько вся английская промышленность в течение года. В 1904 г. на крупнейших предприятиях Америки работало 25,6% всех промышленных рабочих, в 1923 г. они давали работу 57,1%, а в настоящее время едва ли не две трети всех рабочих Соед. Штатов работают на крупнейших предприятиях.

Big business стали твердо на ноги и было бы бессмыслицей и самоубийством бороться с ними и взывать к государственному вмешательству из-за опасения, что крупные концерны могут сделать, могут создать монополию и эксплуатировать народ в своих интересах. На стороне big business все экономические преимущества. Только они в состоянии поставить производство на научных основаниях, только они могут покупать сырье по самым дешевым ценам, отпускать дешевый товар, предоставлять широкий кредит потребителям и тем победить иностранную конкуренцию. Промышленные предприятия ставят себе целью произвести максимальное количество товаров и продавать их по возможно низким ценам. „Форд стал самым богатым человеком в мире, создав производство дешевых автомобилей. Американская телефонная и телеграфная компания сделала телефон широко распространенным, предоставив американцам самые дешевые телефоны в мире. Карнеджи и его компании стали архимиллионерами, начав с маленького дела и развернув грандиозный концерн, обильно снабжающий страну дешевым железом и сталью. Богатство Рокфеллера создано путем снабжения Соед. Штатов дешевыми нефтепродуктами для освещения и создания энергии“. Этим путем создается общее благополучие и возможность оплачивать рабочим наивысшую заработную плату. При помощи механизации производительность труда увеличивается вдвое, вчетверо. Производство направлено не на создание небольшого количества высокого качества товаров, а на массовую продукцию стандартных товаров для миллионов потреби-

телей. Вследствие механизации, стандартизации и конвейерной системы американский рабочий производит вчетверо больше английского, а американский горняк добывает угля в день столько же, сколько пять английских. Но зато и заработная плата в Соед. Штатах приблизительно в три раза выше, чем в Англии, вследствие высокой производительности американского рабочего.

Вся книга Баркера представляет сплошную гимн американскому успеху, американской предприимчивости, американской производительности. Идеология Баркера — четко классовая, без всякой тени какого бы то ни было „соглашательства“ в сторону пролетариата.

Успех Соед. Штатов, — говорит он, — это успех последовательно проводимой капиталистической системы, без всяких „уклонов“, без всяких уступок трудящимся. „Америка сумела сочетать свободу и прогресс со здоровым консерватизмом и индивидуализмом“. „Английское народное хозяйство испытывает на себе все тяжести государственного вмешательства и классовой войны“. „Причина бедности Европы в том, что народ измучен и ограблен бесчисленным чиновничеством и сбит с толку революционной пропагандой. Английская промышленность разорена трэд-юнионами. Интенсивное производство по современным методам не совместимо ни с государственным вмешательством и чрезмерным регулированием, ни с вынужденной социалистами враждой к предпринимателю и профсоюзным контролем над промышленностью... В Америке как предприниматель, так и рабочие относятся отрицательно к коллективному договору“. „Форду ничего не известно об организованном труде“. Хотя в Америке труд не организован, хотя там нет коллективных договоров и минимума заработной платы, американский свободный труд — и обученный и неквалифицированный — благоденствует. Американские профсоюзы достаточно умны и подлы, чтобы понимать, что преуспевание зависит от высокой производительности, мира в промышленности и что рабочие хорошо оплачиваются только, если промышленность процветает.

„В Америке капитал и труд едины и классовой борьбы не существует“(1) Промышленная организация „демократизируется“, капиталисты делают рабочих участниками предприятия. „Каждый рабочий становится капиталистом“(2) Правда, система разделения труда и машинизация вытесняют квалифицированный труд, но „американская система, которая дает возможность рабочему жить в хорошем доме и предоставлять комфорт для его семьи, предпочтительнее, чем квалифицированный труд за голодную заработную плату“.

Идеология Баркера это идеология восходящего американского капитализма.

Тщетно стали бы мы искать у него критического подхода к американской промышленной системе. Он находится под гипнозом „prosperity“ американского народного хозяйства и роста заработной платы рабочей аристократии. Ему нет дела до того, какое влияние американская потогонная система оказывает на физическое и нравственное состояние рабочего. Проводимая американским капитализмом рационализация и стандартизация являются на деле сокращением доли переменного капитала в стоимости продукта, т.-е. уменьшением доли рабочего класса в общем производстве. Но в конечном счете рационализация должна привести к безработице. Она еще не чувствуется в Соед. Штатах благодаря тому, что страна еще не использовала всех своих естественных ресурсов и освобождающаяся вследствие рационализации рабочая сила находит себе применение в новом строительстве. Американская промышленность выступает на широкую дорогу внешней торговли, так

как внутренний рынок уже не может поглотить все возрастающей производительности. Экспорт в колониальные и полуколониальные страны до известного момента поглощает избыточную продукцию. Но экспорт неминуемо связан с борьбой за внешние рынки, борьбой, которая в конечном итоге приведет Америку к вооруженному столкновению с другими империалистическими странами. Эту основную угрозу для американской prosperity проглядел Баркер. Проглядел он и то, что американизация уже не может помочь английскому народному хозяйству, так как приведет к еще большему обострению классовой борьбы и подрыву английской экономической системы.

Книга Баркера поучительна, как образец четко выявленной буржуазной идеологии в приложении к анализу американского народного хозяйства и как попытка найти в американских методах способ поддержать падающий английский капитализм.

А. Бонч-Осмоловский